

Голоса постепенно затихали вдаль, пока не смолкли совсем. Е Цзюньшу наконец-то смог перевести дух. Напряжение, сковавшее плечи, понемногу отпускало.

— Простите, дорогие односельчане, что вам пришлось наблюдать этот позор, — Цзюньшу поклонился, выражая одновременно извинение и признательность. — И спасибо вам, старшие, за помощь и защиту.

Неважно, что именно привело их во двор и как долго они наблюдали за сценой из-за забора — главное, что они вышли и встали за него горой. За одно это Е Цзюньшу был им безмерно благодарен.

— Да брось ты, — махнул рукой один молодой гэр. — У кого в роду нет своего паршивого родственника? Родню ведь не выбирают, — добавил он с таким жаром, будто и сам недавно натерпелся от подобных «гостей».

— И всё же цзю-му у Чжоу-цзы — это нечто! Никогда не слышал, чтобы пришедший в дом муж так помыкал свекром-гэром и в грош его не ставил. И не боится ведь, что люди за спиной заплюют!

— А что поделаешь, если в семье Чжуан и вайпо, и сам дядя — люди мягкотелые? Сами за себя постоять не могут, кого винить?

— И то правда. Мне мой аму рассказывал...

Е Цзюньшу лишь горько усмехнулся. Ситуация в семье дяди была редким случаем бесхребетности, и надо же было такому случиться именно с его родней. Но прав был тот деревенский гэр: родственников не выбирают. Какими бы они ни были, приходится мириться с тем, что есть.

Вайпо и дядя, при всей своей нерешительности, искренне желали племянникам добра. Этого было достаточно, чтобы не обрывать связь окончательно.

«В будущем просто будем поддерживать вежливые отношения, не более», — решил он для себя.

— Ладно, будет вам. Расходитесь по домам, дел у всех полно, — подал голос староста, и люди, поняв намек, начали потихоньку расходиться.

— Жун-бо, спасибо вам огромное! — Цзюньшу был тронут до глубины души. Если бы не вмешательство старосты, он бы не знал, как выпутаться из этого узла.

— Послушай, Чжоу-цзы, — серьезно произнес староста. — Есть вещи, которые ты должен научиться улаживать сам. В конечном счете, человек может полагаться только на свои силы.

— Я понимаю, Жун-бо. — Правила приличия, близость и дальность родства... всё это были уроки, которые ему предстояло усвоить в этом мире.

— Для твоего возраста ты справляешься отлично. Если что будет непонятно — не стесняйся, спрашивай нас, стариков, — подбодрил его Жун-бо.

Е Цзюньшу почтительно кивнул. Староста подержал паузу, а затем добавил:

— Я пришел сегодня еще и по делу. Столы и лавки готовы. Как ты смотришь на то, чтобы

открыть школу послезавтра?

Цзюньшу не колебался ни секунды: — Хорошо, я согласен.

— Тогда решено. Завтра пришлю людей, чтобы перенесли мебель. Подготовь всё.

— Слушаюсь.

Староста посидел еще немного и, заложив руки за спину, направился к выходу.

— Пойду объявлю всем. А ты иди, успокой детей.

— Я всё сделаю. Спасибо вам, Жун-бо.

Е Цзюньшу хотел проводить его до калитки, но тот махнул рукой: «Не провожай».

Цзюньшу тепло улыбнулся, но всё же дошел до порога и смотрел вслед старосте, пока тот не скрылся из виду. Лишь тогда он закрыл дверь и вернулся в дом.

Всё это время он не выпускал Лу-гэра из рук. Вернувшись в комнату, он хотел было опустить его на постель, но малыш мертвой хваткой вцепился в шею брата и уткнулся лицом в его плечо.

Испугавшись, что ребенок сильно травмирован увиденным, Цзюньшу принялся укачивать его, нашептывая ласковые слова: — Тише, маленький, всё хорошо. Всё закончилось, Лу-гэр, не бойся... Брат рядом, никто больше тебя не обидит...

Спустя долгое время Лу-гэр поднял голову. Его большие глаза покраснели и припухли, став похожими на заячьи.

— Брат, — прошептал он дрожащим голосом, — я их ненавижу. Давай больше не будем с ними видаться, ладно?

Е Цзюньшу погладил его по голове, чувствуя острую боль в сердце за братишку. Но даже сквозь жалость он понимал: нужно объяснить, как устроен мир.

— Лу-гэр, послушай. Цзю-му — человек тяжелый, с ним мы будем держаться на расстоянии. Но вайпо и дядя любят нас всем сердцем. Только ради этого мы не можем просто так оборвать связь. Иначе люди вокруг будут осуждать нас до конца жизни.

В это время, когда сыновний долг и кровные узы стояли превыше всего, разрыв с единственными родственниками был невыносим, если только дело не доходило до кровной вражды. У них не осталось старших по линии отца, только родня аму. Во многих делах в будущем им еще может понадобиться их присутствие и поддержка.

— Я не боюсь! Брат, давай не будем с ними видаться, у-у-у-у... — Лу-гэр говорил сквозь всхлипы, и наконец не выдержал, разрыдавшись в голос. — Они ведь... они...

— Что «они»? — Е Цзюньшу не разобрал концовку фразы и переспросил, но, видя, как малыш заходится в плаче, широко открывая ротик и содрогаясь всем телом, он отбросил все вопросы. Сейчас в его голове была лишь одна мысль: как успокоить братишку.

— Ну же, маленький, не плачь. Посмотри, уже на пеструю кошку стал похож от слез. С этого дня мы, братья, будем опорой друг другу, а на цзю-му и его родню и смотреть не станем, ладно?

— Е Цзюньшу поспешил поддакнуть Лу-гэру, лишь бы тот перестал плакать.

Лу-гэр без конца вытирал глаза кулачками, старательно шмыгая красным носом и пытаясь сдержать слезы: — Я... я не плачу...

— Третий брат, третий брат! — донесся издали нежный голосок Цинь-гэра.

Вскоре показался и сам малыш, перебирая короткими ножками. Увидев Лу-гэра, он подбежал к нему и вцепился в него пухлой ручонкой, не отпуская.

Его влажные глазки мерцали, словно спрашивая: «Третий брат, куда же ты так внезапно пропал?»

Лу-гэр замер, глядя на Цинь-гэра, и слезы, которые он только что пытался унять, хлынули с новой силой, словно бурный поток. Цинь-гэр...

— Третий брат, не плачь, не плачь! Мы прогоним плохих людей! — Цинь-гэр сжал кулачки и заговорил своим детским, молочным голоском.

Лу-гэр и сам не хотел плакать, но глядя на такого живого и здорового Цинь-гэра, а затем на старшего брата, у которого лоб вспотел от тщетных попыток его утешить, он не мог остановиться. Он зарыдал в голос, надрывно и отчаянно, будто выплескивая всю ту несправедливость и горечь, что копились внутри.

В плаче Лу-гэра слышалось что-то слишком сложное, слишком скорбное для пятилетнего ребенка. У Е Цзюньшу сердце сжималось от этой пронзительной боли. Каким бы наивным он ни был, теперь он окончательно понял: Лу-гэр плакал не от испуга... Цзюньшу и представить не мог, через что пришлось пройти этому малышу, чтобы в его голосе звучали такие ужас и отчаяние. Ведь в его памяти Лу-гэр всегда был послушным, милым и беззаботным ребенком...

Когда же всё начало меняться?

Цинь-гэр вдруг тоже залился слезами, которые крупными горошинами катились по щекам, и еще крепче прижался к третьему брату.

Е Цзюньшу обнял обоих маленьких братьев, ласково поглаживая их по спинам. Его голос звучал хрипло:

— Тише, не бойтесь. Брат здесь. Брат не позволит никому причинить вам вред.

Постепенно плач стих. Совсем обессиленный, Лу-гэр уснул, всхлипывая во сне и едва приоткрывая опухшие красные веки. Как только Лу-гэр затих, Цинь-гэр тоже перестал плакать, лишь изредка вздрагивая.

Он моргнул красными глазками и, извернувшись, поудобнее устроился в объятиях:

— Я тоже хочу обнимашки...

Е Цзюньшу пришлось подхватить обоих. Благо, за последнее время он натренировал руки, постоянно таская детей, иначе бы не сдюжил. Но он всё еще был подростком, и ноша давалась ему с трудом. Когда он наконец донес их до кровати и уложил, собственные руки перестали слушаться и мелко дрожали от перенапряжения.

Все-таки переоценил свои силы.

Лу-гэр так вымотался, что когда его коснулась постель, он лишь слегка повел глазами и забылся беспокойным сном. Цинь-гэр послушно прилег рядом, держа брата за руку и не сводя глаз с Е Цзюньшу.

Е Цзюньшу укрыл их одеяльцем и прошептал Цинь-гэру:

— Побудь рядом с третьим братом, хорошо?

Цинь-гэр торжественно кивнул:

— Буду с братом! — Умница.

Е Цзюньшу вышел из комнаты и направился на кухню за горячей водой. Когда он вернулся, оба малыша уже крепко спали. Он поставил медный таз на столик, смочил полотенце, отжал его и бережно протер им лица, шеи и ручки. Убедившись, что всё чисто, он бесшумно вынес таз из комнаты.

После болезни Лу-гэра Цзюньшу хотел забрать его к себе под бок, но тот застеснялся и наотрез отказался, настояв на том, что будет спать сам. Еще и Цинь-гэра переманил к себе, важно рассуждая о том, что «мужчинам и гэрám негоже спать вместе». Цзюньшу не стал спорить и позволил им спать в соседней комнате, но каждую ночь заглядывал проверить, не скинули ли они одеяла.

Е Цзюньшу зашел в свою комнату, где Сяо Шань и Ачжи присматривали за близнецами. На улице стоял такой шум, что в доме наверняка всё было слышно, и он боялся, что дети напуганы. Внутри Сяо Шань и Ачжи держали на руках по младенцу, пытаясь их развлечь.

Как только Цзюньшу вошел, Сяо Шань поспешил к нему и с тревогой спросил:

— Брат, дядя и остальные ушли? Мне показалось, я слышал, как Лу-гэр и Цинь-гэр плакали. Почему они плакали? Что случилось?

Если бы не близнецы, которые расплакались от грубого голоса цзю-му, Сяо Шань давно бы выскочил наружу. Но он помнил наказ брата и, как бы ни волновался, оставался в комнате присматривать за младшими.

— Всё в порядке, Лу-гэр просто немного раскапризничался, — буднично ответил Е Цзюньшу, забирая Пятого. — Малыши больше не плакали?

Сяо Шань сокрушенно вздохнул:

— Пятый и Шестой плакали, но мы с Ачжи их успокоили!

Цзюньшу посмотрел на Пятого: на его личике еще виднелись дорожки от слез, но сейчас он весело размахивал ручками и ножками в объятиях брата, будто жалуясь, что его напугал странный шум.

Е Цзюньшу прижался щекой к его щеке и несколько раз поцеловал.

Ачжи стоял рядом с Шестым на руках и, задрвав голову, спросил:

— Брат Цзычжоу, всё уладилось?

Цзюньшу кивнул и сказал Е Цзюньчжи:

— Спасибо за помощь, Ачжи.

Тот расплылся в улыбке, явно смущенный:

— Да пустяки, дело житейское.

Шестой, увидев, что брата ласкают, а его — нет, тут же выпятил губу и приготовился закричать. Цзюньшу поспешил передать Пятого Сяо Шаню и взял Шестого, одарив его такой же порцией ласки. Только когда Шестой остался доволен, он уложил их обоих на кан поиграть.

Успокоив детей, Е Цзюньшу наконец вернулся в зал, чтобы разобраться с тем, что привез дядя. Односельчане уже собрали вещи, разбросанные цзю-му, и сложили их обратно в корзины. Цзюньшу опустился на корточки рядом.

Те две куртки, на которые позарился цзю-му, были набиты густым слоем хлопка, ткань была мягкой и приятной на ощупь, а стежки — мелкими и аккуратными. Сразу видно, что вайпо шил их с большой любовью.

Там же лежало несколько пар обуви разных размеров на добротной толстой подошве. На двух парах даже были вышиты маленькие цветочки. Учитывая траур, ткани были неяркими, но и не мрачными — спокойных, чистых цветов.

Думая о семье дяди, Е Цзюньшу невольно вздохнул. Говорят, «выбирай супруга по добродетели» — это правило вечно. Если в дом приходит человек, любящий сеять раздор, то семья либо распадается, либо в ней должны быть такие мягкие люди, как дядя или вайпо.

По-доброму их называют кроткими, а по-правде — они бесхребетные и ведомые, словно мягкое тесто. Порой такие люди раздражают даже сильнее, чем те, у кого несносный характер.

В душе Цзюньшу росло чувство досады: «Эх, что же вы за люди такие...»

Лу-гэр... Глаза Цзюньшу на мгновение затуманились, взгляд стал глубоким. Никто не знал, о чем он думал в этот момент. Спустя время он очнулся, отложил одежду и обувь в сторону и увидел на дне корзины туго завязанные холщовые мешочки. Он перетаскал их один за другим в кладовую.

Он уже собирался уходить, но вспомнил, как сильно Лу-гэр невзлюбил родню дяди. Если он увидит эти мешки, у него снова испортится настроение... Цзюньшу вздохнул, развязал мешки и принялся пересыпать содержимое в домашние емкости. Кукурузную муку — к кукурузной муке. Белый рис — а он был свежим, урожая этого года — в ларь для риса. Туда же отправилось несколько цзиней пшеничной муки...

Когда всё было готово, пустые мешки он аккуратно сложил и убрал на полку. Смахнув пыль с рук, Е Цзюньшу с чувством выполненного долга вышел из кладовой.